

*Памяти тысяч детей родителей-республиканцев,
сгинувших в сиротских домах франкистской Испании*

ПРОЛОГ

*Долина реки Харамы, Испания,
февраль 1937 года*

Много часов Берни пролежал под холмом без сознания.

Британский батальон доставили на фронт два дня назад, люди тряслись по голой кастильской равнине на старом дребезжащем поезде, а до линии фронта шагали среди ночи пешком. В батальоне служили несколько стариков, ветеранов Первой мировой, но большинство солдат были парни-работяги, не прошедшие подготовки даже в учебном войсковом корпусе, а этот опыт Берни и кое-кто из ребят, окончивших частные школы, приобрели. Даже здесь, на войне, люди из низов оказывались в менее выгодных условиях.

Республиканцы занимали выгодную позицию на вершине холма, бугристый склон которого, засаженный оливковыми деревьями, круто спускался в долину реки Харамы. Вдали серым пятном виднелся Мадрид — город, с восстания генералов прошлым летом державший осаду фашистов. Мадрид, где была Барбара.

Армия Франко уже перешла реку. В ее состав входили марокканские колониальные войска, умело использовавшие в качестве укрытия любую яму в земле, камень или бугор. Батальон должен был закрепиться для защиты холма. Солдат вооружили старыми винтовками; патронов не хватало, и многие не срабатывали. Раздали французские стальные шлемы времен Первой мировой. Старики говорили, что от пуль они не защищают.

Несмотря на яростную пальбу батальона, марокканцы с наступлением утра постепенно продвигались вверх по холму в своих серых пончо, будто сотни смертоносных без-

молвных тюков; появлялись и исчезали среди оливковых деревьев, подкрадывались ближе и ближе. Начался артобстрел с позиций фашистов, и желтая земля, к ужасу неопытных бойцов батальона, взорвалась огромными фонтанами. К полудню дали приказ отступить. Все превратилось в хаос. На бегу Берни видел, что земля между оливами усеяна книгами, которые повыбрасывали из вещмешков солдаты: поэтическими сборниками, учебниками по основам марксизма и порнографией с мадридских развалов.

В ту ночь выжившие в изнеможении сидели на утопленной глубоко в землю дороге, которая прорезала плато. Не было никаких известий о том, как шло сражение на других участках фронта. От дикой усталости Берни заснул.

Утром русский командир штаба приказал остаткам батальона снова идти в наступление. Берни увидел, как капитан Уинtringем заспорил с ним, их головы четко вырисовывались на фоне холодного неба, которое восходящее солнце превращало из лилово-розового в голубое. Солдаты были измотаны, их сильно ubyло в числе. Марокканцы к тому времени окопались и привезли пулеметы. Однако русский был непреклонен, лицо каменное.

Людям приказали построиться в шеренгу и прижаться к высокому краю дороги. На заре фашисты снова начали обстрел, и грохот уже стоял оглушительный: трещали винтовки, стрекотали пулеметы. Берни ждал приказа и от изнеможения ни о чем не думал. Слова «на кой черт, на кой черт» стучали в голове, как метроном. Одни солдаты настолько обессилели, что тупо смотрели пустыми глазами прямо перед собой, неспособные даже бояться, другие тряслись от страха.

Уинtringем пошел в атаку первым и почти сразу упал, сраженный выстрелом в ногу. Берни дернулся и задрожал, когда вокруг завизжали пули и люди, с которыми он проходил подготовку, стали валиться кто с криком, кто с тихим печальным вздохом. Берни продвинулся вперед на сотню ярдов, когда постоянное желание упасть и обнять землю стало непреодолимым. Он бросился под укрытие старого оливкового дерева, залег и прижался к толстому корявому стволу; пули свистели вокруг, трещали выстрелы.

Берни смотрел на тела своих товарищей, их кровь просачивалась в светлую землю и окрашивала ее черным. Сжавшись, он пытался слиться с землей.

Ближе к полудню стрельба утихла, хотя Берни слышал, что дальше вдоль линии фронта она продолжается. Справа он увидел высокий крутой холм, покрытый жесткой, как щетина, сухой травой, и решил рвануть туда. Берни встал и побежал, сгибаясь едва ли не пополам, и почти достиг цели, когда раздался выстрел и он ощутил жгущий удар в правое бедро. Он крутанулся на месте, упал. Лежал и чувствовал, как кровь течет по ноге, но не смел взглянуть. Упираясь локтями и работая здоровой ногой, Берни пополз под прикрытие холма, старая рана напоминала о себе болезненными уколами в плечо. Еще одна пуля вспахала землю рядом с ним, но он все-таки сумел добраться до намеченной точки и отключился.

Когда Берни очнулся, день уже клонился к вечеру, становилось прохладнее. Он лежал в длинной тени холма и видел перед собой только несколько футов земли и камней. Сильно хотелось пить. Вокруг было тихо и спокойно, на оливе щебетала какая-то птица, доносились приглушенные голоса. Говорили по-испански, так что, вероятно, это были фашисты, если только испанские войска не прорвались с севера. Но после того, что произошло на его участке фронта, Берни в это не верилось. Он лежал тихо, под головой вместо подушки — сухая земля, и чувствовал, что правая нога онемела.

То отключаясь, то приходя в сознание, он слышал голоса где-то впереди и слева. Через некоторое время Берни совсем очнулся, голова вдруг прояснилась, жажда стала мучительной. Вокруг было тихо, больше никто не разговаривал, только птица все пела — конечно, не та же самая.

Берни думал, в Испании будет жарко, в его воспоминаниях о поездке сюда с Гарри шесть лет назад сохранилась твердая, как молот, сухая жара. Однако в феврале, хотя дни были достаточно теплые, вечером становилось холодно, и Берни сомневался, что протянет здесь ночь. Он чувствовал, как вши ползают по дорожке волос у него на животе.

Подцепил в базовом лагере и терпеть не мог это их шекотное копошение. Боль — странная штука: нога донимала его не так уж сильно, а вот желание почесать пузо было просто невыносимым. Однако он понимал, что наверняка окружен фашистами, которые приняли его неподвижное тело за труп и откроют огонь, стоит шевельнуться.

Сжав зубы от страха получить пулю и от боли, Берни приподнял голову. Ничего. Над ним только голый холм. Он с трудом перевернулся на спину. Боль стрельнула в ногу, и ему пришлось сжать челюсти, чтобы не закричать. Приподнявшись на локтях, он посмотрел вниз: половина штанины разорвана, бедро покрыто темной запекшейся кровью. Кровотечение прекратилось, — похоже, пуля не задела артерию, но если начать двигаться слишком энергично, то может возобновиться.

Слева он увидел два трупа в форме бригады. Оба лежали ничком, один был слишком далеко, чтобы его опознать, а вторым оказался Макки, молодой шахтер-шотландец. Осторожно, пытаясь не шевелить ногой и держась на локтях, Берни посмотрел на холм.

Фугах в сорока над ним виднелся застрявший на вершине танк. Немецкий, какими Гитлер снабдил Франко. Из башни безвольно свешивалась рука. Вероятно, фашисты забрались на танках наверх и этот был остановлен за миг до того, как скатился бы вниз. Он опасно балансировал на краю, передняя часть висела в воздухе. Со своего места Берни видел трубки и болты под брюхом танка, тяжелые пластинчатые гусеницы. Машина могла в любой момент обрушиться на него. Нужно было двигаться.

Берни стал медленно отползать. Боль кинжалом вспарывала ногу, и через пару ярдов, обливаясь потом и тяжело дыша, он остановился. Теперь он хорошо видел Макки. Одну руку парню оторвало, она лежала недалеко от тела. Грязные каштановые волосы слегка шевелились на ветру — в смерти, как и в жизни, — только лицо, довольно безобразное, было совершенно белым; закрытые глаза придавали ему умиротворенный вид.

«Бедняга», — подумал Берни и ощутил, как защипало от слез уголки глаз.

Впервые увидев трупы людей, привезенные с полей сражений в Мадрид и разложенные рядами на улице, Берни от страха ощутил тошноту. Однако вчера, когда они пошли в бой, его не тошнило. Так и должно быть под обстрелом. Отец говорил ему однажды, вспоминая битву на Сомме, а такое случалось с ним не часто: «Все органы чувств должны быть настроены на выживание. Ты не видишь — ты внимательно следишь, как следит за добычей зверь. Ты не слышишь — ты чутко вслушиваешься, как зверь. Ты становишься сосредоточенным и бессердечным, как зверь на охоте». У отца случались долгие приступы депрессии, он проводил вечера в своем маленьком кабинете в глубине магазина, сидел при слабом желтом свете лампочки и пытался забыть пережитое в траншеях.

Берни помнил шутки Макки на тему, как при социализме Шотландия станет независимой и освободится от бесполезных саксонок. Он облизнул губы и подумал: не будет ли эта картинка — волосы Макки, шевелящиеся на ветру, — появляться в его снах, если ему доведется выбраться отсюда живым и даже если им удастся создать новый свободный мир?

Вдруг что-то тихо скрипнуло, явно металлическое. Взглянув вверх, Берни увидел, что танк слегка раскачивается; длинная пушка, четко выделявшаяся на фоне темнеющего неба, медленно движется вверх-вниз. Разумеется, эти колебания не могли быть вызваны его возней у подножия холма, но тем не менее танк шевелился.

Попытка встать закончилась неудачей, боль пронзила раненую ногу. Берни пополз дальше мимо тела Макки. Нога теперь болела сильнее, по ней текла струйка крови. Голова кружилась. Берни боялся потерять сознание и оказаться под танком, который опрокинется и раздавит его распростертое на земле бесчувственное тело. Нельзя ему отключаться.

Прямо впереди виднелась грязная лужа. Жажда перебила страх подцепить какую-нибудь заразу. Берни опустил лицо и сделал большой глоток. У воды был земляной привкус, и его чуть не вывернуло. Он поднял голову и удивленно отпрянул, увидев свое отражение: лицо сплошь по-

крыто грязью, борода всклокочена, глаза совершенно безумны. Вдруг в голове у него раздался голос Барбары, а на шею как будто легли ее нежные руки. «Ты такой красивый, — однажды сказала она. — Слишком красивый для меня». Как бы она отозвалась о нем теперь?

Снова послышался скрип, на этот раз громче. Вскинув взгляд, Берни увидел, что танк медленно клонится вперед. Вниз по холму покатались струйки земли и камней.

— О Боже Иисусе Христе! — выдохнул Берни и подтащил себя вперед.

Раздался громкий скрежет, и танк опрокинулся. Грохоча и звякая, он медленно съехал с холма и каким-то чудом не задел ступни Берни, до них оставалось всего несколько дюймов. Пушка ткнулась в землю, и машина, вздрогнув, замерла, как огромное, сбитое с ног животное. Мертвого танкиста выбросило из башни, он, раскинув руки, упал в траншею вниз лицом. Волосы у него были совсем белые: немец. Берни закрыл глаза и облегченно выдохнул.

Он повернул голову на новый звук и глянул вверх. На вершине холма, привлеченные грохотом, выстроились в ряд пять человек. Лица у них были такие же грязные и усталые, как у Берни. А форма оливково-зеленая, полевая, как у войск Франко. Фашисты. Они подняли винтовки, прицелились в него. Один вытащил из кобуры пистолет. Раздался щелчок предохранителя. Солдат стал спускаться с холма.

Берни оперся на одну руку и слабо махнул другой, прося пощады.

Фашист остановился в трех футах от него — высокий, худой, с усиками, как у генералиссимуса, с суровым и злым лицом.

— Me entrego, — сказал Берни. — Я сдаюсь.

Что еще ему оставалось?

— ¡Cabrón comunista!¹

У солдата был сильный южный акцент. Берни еще пытался подобрать слова, а фашист вытянул руку с пистолетом и прицелился ему в голову.

---

¹ Ублюдок-коммунист! (исп.) — Здесь и далее примеч. перев.

Часть первая

Осень

ГЛАВА 1

Лондон, сентябрь 1940 года

На Виктория-стрит упала бомба. Она разворотила мостовую, оставив широкий кратер, в нескольких магазинах ударной волной вынесло витрины. Улицу перекрыли веревкой. Люди из воздушной обороны и добровольцы, выстроившись цепью, осторожно разбирали завал у одного из разрушенных зданий. Гарри сообразил, что внутри, наверное, кто-то есть. Усилия спасателей, стариков и мальчишек в облаке пыли казались жалкими по сравнению с огромными грудями битого кирпича и обломков штукатурки. Гарри поставил чемодан.

Подъезжая на поезде к вокзалу Виктория, он видел и другие воронки, поврежденные здания. Бомбардировки начались десять дней назад, и с тех пор Гарри ощущал какую-то странную отчужденность от этих разрушений. В Суррее дядя Джеймс едва не получил удар, глядя на фотографии в «Телеграф». Гарри реагировал скупно, когда тот с багровым лицом склонялся над газетой и рычал, видя очередной пример творимых немцами бесчинств. Гарри старался не проявлять ярости.

Хотя не сдержался, когда в Вестминстере воронка вдруг образовалась прямо перед ним. Он как будто сразу вновь оказался в Дюнкерке: немецкие пикирующие бомбардировщики над головой, песчаная береговая линия вся в фонтанах взрывов. Гарри сжал кулаки так, что ногти впились в ладони, и глубоко задышал. Сердце застучало, но тело не пробил дрожь, теперь он научился контролировать эмоции.

К нему подошел старшина воздушной обороны, мужчина лет пятидесяти, в запыленной черной форме, с прямой спиной, мрачным лицом и тонкими, как карандаш, седыми усами.

— Сюда нельзя, — отрывисто произнес он. — Улица перекрыта. Вы не видите, что тут бомба?

Он смотрел на Гарри подозрительно, с неодобрением и, без сомнения, задавался вопросом, почему этот вполне здоровый с виду мужчина, которому явно немногим больше тридцати, не в форме.

— Простите! — воскликнул Гарри. — Я только что приехал из провинции. Не думал, что все так ужасно.

Большинство кокни, услышав выговор Гарри, который произносил слова на манер выпускников частной школы, начинали лебезить перед ним, но не этот человек.

— Нигде не скроешься, — прохрипел он. — Не в этот раз. Ни здесь, ни в деревне, и это надолго. Я так думаю. — Старшина окинул Гарри ледяным взглядом. — Вы в отпуске?

— Освобожден по инвалидности, — резко ответил Гарри. — Слушайте, мне нужно попасть к воротам Королевы Анны. По официальному делу.

Манера старшины мигом изменилась. Он взял Гарри под локоть и развернул его:

— Идите по Петти-Франс. Там только одна бомба.

— Благодарю вас.

— Не за что, сэр. — Старшина склонился к нему. — Вы были в Дюнкерке?

— Да.

— На Собачьем острове все в крови и руинах. В прошлый раз я сидел в окопах и знал, что это повторится и заденет всех, не только солдат. У вас тоже еще будет шанс повоевать, вот увидите. Штык фрицу в пузо, повернуть, выгнать — и опять. — Мужчина как-то странно улыбнулся, отступил от Гарри и козырнул, его светлые глаза блестели.

— Спасибо вам.

Гарри отдал ему честь, повернулся и пересек Гиллингем-стрит. Он хмурился: слова старшины были ему противны.

На Виктория-стрит царила обычная для понедельника деловая суэта. Похоже, репортажи о том, что в Лондоне все по-прежнему, были правдой. Гарри шагал по георгианским улицам, тихим, залитым осенним солнцем. На мысли о войне наталкивали лишь белые косые кресты из бумажной ленты, приклеенные на окна для защиты от взрывной волны. Мимо прошел делового вида мужчина в котелке, несколько раз Гарри встречались няни с колясками. Выражения на лицах были обычные, даже бодрые. Многие оставили противогазы дома, хотя свой Гарри нес в квадратной коробке, висевшей на перекинутой через плечо лямке. Он понимал, что за напускным задором у большинства людей таится страх перед вторжением, но сам предпочитал делать вид, будто все в порядке, и не обращать внимания на вездесущие напоминания о жизни в мире, где остатки разгромленной британской армии мечутся в панике по французскому побережью, а полупомешанные ветераны Первой мировой стоят на улицах и радостно предсказывают конец света.

Гарри вспомнился Руквуд, как часто случалось с ним в эти дни. Старое квадратное здание, летний день, учителя в мантиях и академических шапочках прохаживаются под могучими вязами, мальчики в темно-синих пиджаках или в белой форме для крикета... Погружение в прошлое было бегством в зазеркалье, подальше от общего безумия. Но рано или поздно тяжелая и болезненная мысль всегда вторгалась в его сознание: как, черт возьми, все это могло измениться и превратиться в то, что есть теперь?!

Отель «Сент-Эрмин» когда-то был роскошным, но теперь его великолепие померкло. Люстра в холле при входе запылелась, пахло капустой и мастикой для пола. Отделанные дубовыми панелями стены были украшены аква-

релями с изображениями оленей и горных долин. Где-то усыпляюще тикали старинные напольные часы.

За стойкой администратора никого не было. Гарри позвонил в звонок, появился толстый лысый мужчина в униформе швейцара.

— Добрый день, сэр, — произнес он раскованным елейным тоном человека, всю жизнь проработавшего в обслуге. — Надеюсь, я не заставил вас ждать.

— В половине третьего у меня назначена встреча с мисс Макси. Лейтенант Бретт.

Гарри произнес фамилию женщины «Макси», как научил его сотрудник Министерства иностранных дел.

— Пройдемте со мной, сэр, — кивнул администратор.

Его шаги заглушал толстый пыльный ковер, он провел Гарри в гостиную, полную легких стульев и кофейных столиков. Там никого не было, кроме сидевших у эркерного окна мужчины и женщины.

— Лейтенант Бретт, мадам. — Администратор поклонился и ушел.

Они оба встали. Женщина протянула руку. Ей было за пятьдесят, маленькая, хрупкая, аккуратно одета — синий костюм, пиджак и юбка. Тугие кудри седых волос и умное лицо с тонкими чертами. Ее пронизательные глаза встретили взгляд Гарри.

— Здравствуйте, как приятно с вами познакомиться. — (Ее уверенное контральто вызвало у Гарри ассоциацию с директрисой школы для девочек.) — Марджери Макси. Много слышала о вас.

— Надеюсь, ничего особенно плохого.

— О, совсем наоборот. Позвольте представить вам Роджера Джебба.

Мужчина крепко пожал Гарри руку. Он был примерно одного возраста с мисс Макси, имел вытянутое загорелое лицо и редующие черные волосы.

— Хотите чая? — спросила мисс Макси.

— Благодарю вас.

На столе уже стояли серебряный чайник и фарфоровые чашки. А еще — тарелка со сконами, банка с джемом

и нечто похожее на настоящие сливки. Мисс Макси принялась разливать чай.

— Как добрались? Без проблем? Тут, кажется, прошлой ночью упала пара бомб.

— Виктория-стрит перекрыта.

— Какая неприятность. И это не скоро закончится. — Мисс Макси говорила так, будто речь шла о дождливой погоде. Она улыбнулась. — Мы предпочитаем встречаться с новыми людьми здесь, для первого знакомства. Управляющий — наш старый приятель, так что нас не потревожат. Сахар? — продолжила она в том же тоне непринужденной беседы. — Возьмите скон, они очень хороши.

— Спасибо, — отозвался Гарри.

Он зачерпнул ложкой джема и сливок, поднял глаза и заметил, что мисс Макси внимательно смотрит на него. Она улыбнулась ему сочувственно, без тени стеснения.

— Как вы теперь справляетесь? Вас ведь уволили со службы по инвалидности? После Дюнкерка?

— Да. Бомба упала в двадцати футах. Вверх подбросило много песка. Мне повезло, он защитил меня от худших последствий взрывной волны.

Гарри заметил, что Джебб тоже изучает его своими кремнисто-серыми глазами.

— Вас контузило, полагаю, — отрывисто произнес он.

— Совсем немного, — подтвердил Гарри. — Теперь я в порядке.

— У вас лицо на секунду побледнело, — заметил Джебб.

— Раньше это длилось значительно дольше, — тихо ответил Гарри. — И руки все время дрожали. Вы, скорее всего, знаете.

— И слух, вероятно, пострадал? — едва слышно проговорила мисс Макси, но Гарри не упустил ее слов.

— Слух тоже почти вернулся в норму. Легкая тугоухость только слева.

— Вам повезло, — сказал Джебб. — Часто после контузии слух теряют навсегда.

Он достал из кармана канцелярскую скрепку и начал машинально сгибать и разгибать ее, не спуская глаз с Гарри.

— Врач сказал, я легко отделался.

— Нарушение слуха, безусловно, кладет конец службе, — заметила мисс Макси. — Даже незначительное. Должно быть, это стало для вас серьезным ударом. Вы ведь начали служить в прошлом сентябре?

Она подалась вперед, держа в руках чашку с чаем.

— Да. Это верно. Простите меня, мисс Макси, но я немного не понимаю...

— Это вполне естественно, — улыбнулась она. — Что вам сказали, когда позвонили из МИДа?

— Сказали, кое-кто из них думает, что может предложить мне посильную работу.

— Ну, мы с ними никак не связаны. — Мисс Макси широко улыбнулась. — Мы разведка.

Она звонко рассмеялась, будто странность происходящего веселила ее до невозможности.

— О! — произнес Гарри.

Голос мисс Макси стал серьезным:

— Наша работа сейчас крайне важна, крайне. Франция отпала, и теперь весь континент либо в союзе с нацистами, либо зависит от них. Нормальных дипломатических отношений больше не существует.

— Мы теперь на передовой, — добавил Джебб. — Закурите?

— Нет, спасибо. Я не курю.

— Ваш дядя — полковник Джеймс Бретт?

— Да, сэр. Все верно.

— Мы служили с ним в Индии. В тысяча девятьсот девятом, хотите верьте, хотите нет! — Джебб хрипло хохотнул. — Как он?

— На пенсии.

«А судя по вашему загару, вы еще в строю, — подумал Гарри. — Не иначе как индийская полиция».

Мисс Макси поставила чашку и сцепила руки в замок.

— Как вы отнесетесь к предложению поработать на нас? — спросила она.

Гарри вновь ощутил знакомую усталость, охватившую все тело, но и кое-что еще — искру интереса.

— Разумеется, я хочу помочь победить в войне.

— Как по-вашему, вы способны к сложной, ответственной работе? — спросил Джебб. — Честно. Если нет, лучше скажите сразу. Тут нечего стыдиться, — угрюмо добавил он.

Мисс Макси ободряюще улыбнулась.

— Думаю, да, — осторожно ответил Гарри. — Я почти поправился.

— Мы набираем много людей, Гарри, — сказала мисс Макси. — Я ведь могу называть вас Гарри? Одних берем, потому что считаем их подходящими для нашей работы, других — так как они могут предложить нам что-то особенное. Вы были специалистом по современным языкам, когда вступили в армию. Диплом Кембриджа, работа в Королевском колледже до начала войны.

— Да, все так.

Они многое о нем знали.

— Как у вас с испанским? Бегло говорите?

Это был неожиданный вопрос.

— Можно сказать и так.

— Ваша специализация — французская литература?

Гарри нахмурился:

— Да, но я поддерживаю свой испанский. Состою в испанском кружке Кембриджа.

Джебб кивнул:

— Вместе с другими научными сотрудниками в основном? Обсуждаете испанские пьесы и так далее?

— Да.

— Там есть беженцы времен Гражданской войны?

— Один или двое. — Он встретился взглядом с Джеббом. — Наш кружок не политический. У нас негласная договоренность избегать политики.

Джебб положил на стол скрепку, согнутую в какую-то фантастическую загогулину, и открыл свой портфель. Вынул из него картонную папку с диагональным красным крестом на лицевой стороне.

— Я хотел бы напомнить вам тридцать первый год, — сказал он. — Второй курс в Кембридже. Тем летом вы ведь ездили в Испанию? С вашим другом из Руквуда.